

Тяжелая палка опустилась на спину чужака. Кобель глухо, придушенно тявкнул и яростно оскалился на Ван Сюаня, обнажив белые, острые как иглы клыки. Из его глотки вырвалось низкое, угрожающее рычание, больше похожее на звериный рык. Прижатая к земле Дагуай жалобно заскулила, словно умоляя хозяина поскорее ее спасти.

Видя, что наглый пес и не думает отступать, Ван Сюань в панике опустил на него палку еще раз — не слишком сильно, лишь бы отпугнуть. Кобель нехотя сполз со спины Дагуай, но отдалиться не смог. Обе собаки закрутились на месте, скалясь и надрывно скуля, словно нелепое сцепление причиняло им обоим жуткую боль. Стоило Дагуай сделать шаг вперед, как кобель вынужден был пятиться следом на задних лапах. Так они и двигались — нелепой, тани-толкая связкой.

—...

Ван Сюань застыл, во все глаза глядя на это безобразие. Охваченный паникой, он отчаянно закричал, призывая на помощь друга:

— Гоудань! Скорее сюда! С Дагуай беда! То ли из нее червь какой-то жуткий лезет, то ли еще что... Беги быстрее, погляди!

Гоудань еще по надрывному лаю понял, что на заднем дворе творится неладное, а уж когда Ван Сюань сорвался на истошный крик — случай для всегда сдержанного юноши из ряда вон выходящий, — и вовсе отложил инструмент. Смахнув с коленей пахучие опилки, он неторопливо направился на зов.

— Ну, чего ты расшумелся?

Не успел он подойти, как Ван Сюань мертвой хваткой вцепился в его рукав, потащил к собакам и ткнул пальцем вперед:

— Смотри!

Гоудань округлил глаза, и на его лице отразилось искреннее изумление:

— Так Дагуай, оказывается, девка? А я-то всю дорогу думал, что кобель.

— Она всегда была девочкой! — возмутился Ван Сюань. — Ты вообще за своей собакой не следишь!

— Да ну, сдалось мне под хвост ей заглядывать, — отмахнулся Гоудань. — Собака и собака,

спит во дворе, дом стережет. Я вообще думал, что они со Сяогуай братья...

Ван Сюань наградил его испепеляющим взглядом. Гоудань озадаченно почесал затылок и примирительно хмыкнул:

— Да ладно тебе, всё с ней нормально. Снюхались они, дело житейское. Ты что, ни разу не видел, как собаки вяжутся? А ну, сплюнь три раза через левое плечо, а то, говорят, ячмень на глазу вскочит!

— Вяжутся?.. — Ван Сюань растерянно перевел взгляд с невозмутимого Гоуданя на сцепившуюся парочку, и до него наконец дошел истинный смысл происходящего.

Краска мгновенно, до самых ушей, залила его лицо. Господи, он ведь только что... он же колотил палкой собак прямо во время соития!

— А они... — заикаясь от смущения, выдавил он, — они от этого не околеют? Ничего им не будет?

— Да что им сделается? Дело-то привычное, — хмыкнул Гоудань.

Он-то с малых лет рос вольной деревенской безотцовщиной, целыми днями пропадал на улице и собачьи «свадьбы» видел сотни раз. Для него в этом не было ровным счетом ничего удивительного. А вот Ван Сюаня мать растила в строгости, оберегая от любых дворовых вольностей, а стоило ему оказаться в доме дяди, как на мальчишку взвалили столько непосильной работы, что на праздные шатания времени просто не оставалось. Простые житейские вещи, которые знал любой деревенский сорванец, прошли мимо него.

После короткого и доходчивого ликбеза от Гоуданя Ван Сюань готов был провалиться сквозь землю. Лишь невозмутимый вид приятеля помог ему унять лихорадочный стыд — иначе он точно сгорел бы на месте от неловкости.

— И долго они еще так... слипшимися стоять будут? — все еще смущаясь, спросил Ван Сюань.
— Может, их разлить водой или растащить?

А затем, уперев руки в бока, недовольно проворчал:

— И вообще, чей это бродяга лохматый? Грязный весь, ободранный. Наградит сейчас нашу Дагуай блохами да клещами, потом замучаемся выводить! Ишь, пристроился, кобель паршивый, Дагуай его небось и близко подпускать не хотела. Кстати, а что это за порода такая? Больно крупный, выше наших будет.

— Да это, кажется, пес дяди Цзяньбина, — пригляделся Гоудань. — Он хвастался, что в кобеле на четверть сидит кровь какой-то советской служебной овчарки — оттого он и вымахал таким

матерым.

Действительно, из-за примеси породистой крови пес выглядел куда внушительнее обычных местных дворняг. Даже ухоженная Дагуай на его фоне казалась мелковатой. Дядя Цзяньбин раздобыл этого зверя по какому-то счастливому случаю.

— Здоровый дурак, — фыркнул Ван Сюань. — Грязнуля нечесаный. И ни капли красоты в нем нет, то ли дело наша Дагуай — ладная, чистенькая...

Лицо Ван Сюаня сейчас выражало крайнюю степень брезгливости. Он выглядел в точности как строгий отец, которому до смерти не понравился новоявленный зять-прохвост, посягнувший на любимую дочку.

Гоудань поспешил уводить надувшегося друга подальше от греха. Застукай их кто из деревенских за столь пристальным созерцанием собачьей свадьбы, сплетен и глумливых шуточек вовек не обобрались бы. Поди потом докажи, что Ван Сюань действительно пребывал в блаженном неведении.

Собак оставили в покое на заднем дворе. Твари уныло поскуливали и топтались на месте, намертво заклиненные в замке и натягивая невидимую сцепку, точно канат при перетягивании.

Желая переключить мысли Ван Сюаня на что-то более приличное, Гоудань позвал его к верстаку поглазеть на свои последние поделки. Ван Сюань послушно подошел, взял в руки короткий железный штырек с остро заточенным наконечником и хитрым зазубренным шипом у основания.

— Это еще что за диковина? — полюбопытствовал он. — Для швейной иглы толстоват будет.

Гоудань с торжествующим видом развернул перед ним помятый лист бумаги с набросками.

— Вот, полюбуйся. Нашел описание в одной ветхой тетради из нашего пространственного кармана. Видать, старая вещица, едва не рассыпается. Там подробно рассказывается про это грозное оружие древности — арбалет. В наших краях, с нашими скудными запасами, это лучший выбор. Я уже несколько дней ломаю голову над чертежами. Как только закончу опытный образец, сразу соберу второй для тебя. Это тебе не длинный лук, где нужна богатырская силушка, чтобы тетиву натянуть. С арбалетом даже ребенок управится.

В школе на уроках истории им мельком рассказывали про седую древность и эпоху холодного оружия, так что общее представление они имели.

Ван Сюань недоверчиво сощурился, переводя взгляд со штырька на бумагу.

— И что, на старых рисунках все устроено именно так?

— Нет, конечно. Я внес кое-какие изменения, — воодушевленно затараторил Гоудань, активно жестикулируя. — В записях приводились схемы только для огромных стационарных махин, которые на повозках катали да взводили втроем на поле брани. Но нам-то нужно что-то ручное, легкое. Вот я и прикинул, как уменьшить конструкцию без потери убойной силы.

Ван Сюань осторожно погладил пальцами гладкий металл зазубренных наконечников. Глаза его загорелись мальчишеским восторгом — какой парень устоит перед настоящим оружием? Сам-то он в ремесле был слаб и всегда искренне восхищался смекалкой Гоуданя. Все их детские рогатки и запасы ровных пулек всегда были делом рук его друга. У Ван Сюаня просто не хватало терпения и точности мастерить столь изящные вещи.

— В стародавние времена все прославленные генералы славились меткостью, могли со ста шагов ивовый лист пробить, — мечтательно проговорил Ван Сюань, лаская взглядом железные болты. — Вот это была удаль, вот это стать!

— Ну, ты не путай божий дар с яичницей, — хмыкнул Гоудань, обламывая его романтический порыв. — Лук и арбалет — звери разной породы. Богатыри древности силу рук с малых лет тренировали, а уж глазомер оттачивали годами упорного труда. Дальность выстрела из лука целиком зависит от того, сколько силушки у тебя в плечах. Если мощи в руках недобор, ты тетиву даже наполовину не вытянешь, какой уж там бой! А моя задумка совсем иная. Тут всю тяжелую работу берет на себя механика. Навел, прицелился, нажал спуск — и готово. Хоть баба, хоть дите справится.

— Вот оно как... — Ван Сюань удивленно приподнял брови. — Действительно. Я сейчас пригляделся — у обычных стрел наконечники куда крупнее, да и сами они длинные.

— И у кого убойная сила больше? — поинтересовался Ван Сюань, бережно уложив болт обратно и потянувшись к недоделанному деревянному ложу.

— Трудно сказать, — качнул головой Гоудань. — В луке все решает живая сила натяжения, а в арбалете — упругость плеч и хитрость пускового замка. Механика, одним словом.

— Сила механики... Ну, так мне гораздо понятнее. Выходит, будь ты хоть самым слабым доходягой, неспособным согнуть упругую ветку, с этой штукой в руках ты все равно опасен. Вскинул, нажал потайной рычажок — и стрела с воем унеслась в цель?

— В самую точку, — ухмыльнулся Гоудань и постучал пальцем по продольному пазу в дереве. — Гляди: вот сюда, в этот желоб, ложится стрела. А дальше работает зацеп... — И он пустился в подробные разъяснения, бережно водя пальцем по деталям механизма.

— Гоудань-гэ, смастери мне такой же! — взмолился Ван Сюань. Его глаза лихорадочно блестели от восторга. — Будем вместе в тайгу ходить, я хоть отбиться смогу, если что. Слушай,

а почему ты само ложе из железа не выковал? Оно же прочнее деревянного выйдет.

— Хорошее дерево в стократ лучше, — покачал головой Гоудань. — Железо ковать — замучаешься у горна стоять, да и привлекать лишнее внимание в деревне нельзя, не пойдешь же к местному кузнецу на поклон. К тому же дерево легче, а упругости у него побольше будет. Узнаешь деревяшку-то? Мы ведь ее на рынке подержанной мебели приметили, когда старье перебирали. Ею еще ножка колченогого стола была подперта. Единственная стоящая вещь во всем том хламе! Плотность у нее невероятная, тяжелая как камень, обычный дуб или сосна ей и в подметки не годятся.

В свободное время парни обожали околачиваться в уездном городке. Они знали каждую щель: от пунктов приема утильсырья и блошиных рынков до тайных адресов, где разворачивалась незаконная торговля. Правда, на свалках обычно лежал совсем уж бесполезный хлам, а на барахолках продавали унылый бытовой ширпотреб из самого дешевого дерева.

Как-то раз один ушлый торговец попытался развести их на покупку. Напустил на себя таинственности, шепотом расписывал прелести какого-то «раритета». Гоудань с самым серьезным видом выслушал его соловьиные трели, самолично облапал вещь со всех сторон, придирчиво осмотрел каждую трещинку... а потом невозмутимо заявил, что у них нет ни единого фэня!

Ван Сюань до сих пор без содрогания не мог вспомнить, как они уносили ноги от разъяренной толпы с тесаками. Только потом до них дошло, что они угодили в настоящее змеиное гнездо. Местные бандиты промышляли наглым вымогательством: если не получалось заговорить зубы покупателю, они разыгрывали сцену с поломкой «ценного» товара и требовали возмещения ущерба. Шваль эта была хитрой и тертой — они за версту чуяли, кого можно прижать к ногтю, а кого лучше обойти стороной. Даже милиция в штатском редко могла накрыть эту шайку, ведь промышляли вымогательством целыми семьями из окрестных переулков. Видимо, завидев двух наивных с виду подростков, бандиты решили, что перед ними глупые богатенькие дурачки, из которых легко вытрясти наличность.

Решили, видать, раз пацаны интересуются вещами, то и деньжата у них водятся, а юношеский задор заставит пойти на поводу у чужого мнения. Откуда бандитам было знать, что перед ними не глупые барчуки, а тертые деревенские нищebroды? К тому же оба парня за годы тяжелой жизни научились безошибочно распознавать фальшь и скрытую угрозу. Едва торговцы поняли, что наживы не будет, и попытались перейти к наглому шантажу, как Гоудань сработал на опережение. Он вихрем пронесся по каморке, пинками и локтями превратив всю выставленную на полках утварь в кучу черепков.

Посуда-то, ясное дело, была грошовой — обычные глиняные корчаги для засолки капусты, никакой исторической ценности не представлявшие, — но маска приличия была сорвана окончательно. Гоудань схватил Ван Сюаня в охапку и рванул прочь. На ходу он ухитрился сцапать с верстака увесистый слесарный молоток.

С тех пор на уездную барахолку они — ни ногой. Зато нашли себе новое развлечение — отслеживать тайные сходы спекулянтов.

И сейчас Гоудань увлеченно выстукивал детали именно тем самым трофейным молотком, любовно называя его «законной компенсацией за моральный ущерб и износ обуви во время бега».

— Вроде и правда ничего сложного, — задумчиво протянул Ван Сюань, рассматривая пазы.

Гоудань коротко хохотнул. Прищулив один глаз, он принялся выверять только что прочерченную линию на бруске.

— Это только с виду просто, а хитростей тут вагон и маленькая тележка. В кино ружье тоже выглядит как обычная железная трубка с деревяшкой, а попробуй повтори — внутри-то тончайшая механика.

— Хм... Стрелы эти все-таки мелковаты, — Ван Сюань задумчиво покачал на ладони железный болт. — В тайге на крупного зверя с такой зубочисткой идти боязно. Слушай, а что если нам наконечники кое-чем сдобрить?

— А? — Гоудань на секунду замер, не расслышав за собственным стуком.

— Я говорю, может, смазать наконечники каким-нибудь парализующим снадобьем? — Ван Сюань поймал на себе пристальный, застывший взгляд друга и тут же стушевался. — Ну... ладно тебе так зыркать. Нельзя так нельзя, я просто к слову припомнил.

— Да нет же, ты дело говоришь! — Гоудань отложил инструмент и озадаченно поскреб пальцем подбородок. — Если у нас будет надежный паралитик, мы сможем соваться в самые глухие дебри тайги. С твоим зельем и моим верным глазом нам никакой медведь будет не страшен.

— Вот и я о том же! Погоди-ка, в записях старого настоятеля точно было что-то подобное, — Ван Сюань воровато огляделся по сторонам. Убедившись, что на заднем дворе ни души, он быстрым движением извлек из пространственного кармана потемневшую от времени рукопись. Память у парня была цепкая, так что пожелтевшие страницы он перелистывал уверенно, быстро отыскав нужный раздел.

— Так, это притирка для выведения бородавок... не то. Это крысиный мор... опять мимо. О, гляди, Гоудань-гэ, вот оно!

Гоудань заглянул через его плечо в рукопись и насупился:

— И что сии каракули означают?

Хотя он с грехом пополам разбирал старые иероглифы, все эти бесконечные алхимические термины вроде «выпаривания росы на медленном огне», «томления в закрытом тигле» и «мерных долей» нагоняли на него тоску.

— А то и означают, что это рецепт сильнейшего дурмана, — заговорщицки зашептал Ван Сюань, водя пальцем по строчкам. — Попав в кровь, он мгновенно лишает жертву сил. Руки и ноги каменеют, зверь падает кулем на землю, не в силах даже шевельнуться. Если помедлить с противоядием, отравка проникает глубже: язык распухает, глотка спазмируется так, что даже каплю воды не сглотнешь... Ничего себе силища у старых рецептов! — Ван Сюань сам невольно поежился от прочитанного.

<http://bllate.org/book/19654/1996741>